

ГОБЛИНЫ!

ГИД ПО (НЕУДАВШЕМУСЯ) ВЫЖИВАНИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ

Иллюстрации Брайана Фрауда
Текст Ари Берка
3D модели гоблинов Венди Фрауд

СТР 87 ПРИВАСХОДНА!

Издательство АСТ
Москва

Предисловие

В КОТОРОМ ОПИСЫВАЕТСЯ СТРАННОЕ НАЧАЛО ЭТОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Нас с Брайаном Фраудом (никому не известным и не слишком талантливым художником, который, к тому же, не в ладах с рассудком) связывает длительная и любопытная дружба. Но в последнее время я стал за него беспокоиться. По почте мне стали приходить странные анонимные подарки, которые мог прислать только он: заплесневелый лобстер-оригами, сложенный из его любимой бумаги для рисования; шесть кусочков подгорелого тоста, которые, судя по налипшей грязи, упали маслом вниз; сломанная поварешка.

Потом пришло то самое письмо (скорее, даже открытка) — маленькие пожеванные клочки бумаги, склеенные вместе липкой лентой; на лицевой стороне было нацарапано мое имя и адрес, на обороте — три слова почерком Брайана: «Свет, камера, гоблины!» — и пламенная просьба: «Принеси “Кодекс”!» Он, конечно, имел в виду «Гоблинский кодекс», который я недавно обнаружил и в данный момент изучал. Я сразу обратил внимание, что кусочки бумаги, из которых была склеена эта открытка, явно были частями какого-то изображения; я аккуратно отклеил ленту, собрал их заново, как пазл, и увидел перед собой странный портрет. Бумага ломалась в руках и казалась очень старой, вся была покрыта пятнами. Глядя на портрет, я почувствовал, как рассыпаются грани разумного; я понял, что изучение мира сверхъестественных существ, которому Брайан посвятил всю свою жизнь, достигло апогея. Передо мной лежала запятнанная, нерезкая, но, как ни странно, смутно знакомая фотография гоблина. Я собрал вещи и сел на следующий же самолет в Англию.

Та самая открытка ►

Мистер Фрауд в папоротниковом платье — крайне любопытном одеянии.

Считается, что это единственная известная фотография, сделанная гоблинами.

Мистер Фрауд всегда настаивал, что папоротниковые платья являются традиционной одеждой сельских жителей; их носят лишь необычайно одаренные художники, и для них этот наряд является абсолютно нормальным и несколько не странным. ►

«ГОБЛИНСКИЙ КОДЕКС»

Вскоре после моего приезда в Девон я обнаружил Брайана на вересковой пустоши. Он что-то бормотал себе под нос, расхаживая в странном платье из веток папоротника, прикрывавших стратегические места. Он все твердил о какой-то «камере на краю света».

Я завернул его в чистое шерстяное одеяло, которое всегда ношу с собой как раз на такой случай, и отвел домой. Согревшись у камина, он стал умолять меня показать ему «Кодекс». Гоблины называют эту увесистую книгу своей «священной хроникой» или, в просторечии, «размякшим бутером» — популярное среди гоблинов название, поскольку переплет кодекса действительно напоминает толстые куски хлеба, между которыми наткано множество сильно пахнущих артефактов. «Гоблинский кодекс», безусловно, оказался одним из моих самых примечательных и определенно самых отвратительных открытий, связанных с гоблинами, а их было немало.

Брайану не терпелось узнать, как я нашел эту книгу, и, с некоторым смущением я поведал ему об этом. На самом деле книга нашла меня. За несколько месяцев до этого я заказал экземпляр редкого трактата пятнадцатого века об оккультной науке цингомантии — довольно неприятной практике, при которой зубы и десны моряков подвергались близкому изучению с целью предсказания будущего. Эта досточтимая и тайная наука некогда пользовалась большой популярностью у европейской знати; с ее помощью те узнавали дальнейшие судьбы империй и выигрышные номера лотерейных билетов.

Предисловие

Типичная примета «Гоблинского кодекса» — «ароматная» закладка из воблы ▼

** Как ни абсурдно это звучит, именно сходство «Гоблинского кодекса» с размякшим бутербродом позволило мне беспрепятственно пронести его через таможеню. (Здесь и далее примечания автора.)*

И вот однажды, обнаружив в почтовом ящике липкий, слегка протекший пакет, я решил, что это мой долгожданный трактат по техникам цингомантии. В нетерпении я разорвал обертку, желая скорее добраться до содержимого и надеясь, что оно поможет мне написать мою самую знаменитую на тот момент научную работу, которая принесет мне уважение научного сообщества и деньги. Но, увы, заветного трактата в пакете не оказалось. Вместо него я увидел совсем другую книгу; впрочем, книгой ее назвать было сложно. Я до сих пор не знаю, каким образом она у меня оказалась. Я справлялся у всех торговцев антикварными книгами, с которыми обычно имею дело,

но те разводили руками, категорически все отрицали и даже привлекли к делу адвокатов, которые принялись угрожать мне, хоть и вежливо.

Сейчас я со всей уверенностью могу сказать, что «Гоблинский кодекс» является самым важным документом в истории гоблинологии. Это не просто текст, а ценный артефакт и ключ к пониманию гоблинских миров. Этой книге, несомненно, несколько веков; она несет отпечаток долговременного и не слишком аккуратного использования. Ее часто переплетали заново в соответствии с текущей гоблинской модой; некогда она напоминала псалтырь, гигантское меню из китайского ресторана, солидный том в переплете из вяленого мяса и медных скоб, рожок и, наконец, излюбленное гоблинское лакомство: бутерброд с воблой в пергаментной бумаге*. Но как бы странно книга ни выглядела снаружи, это не идет ни в какое сравнение с тем, что находится внутри: сотни страниц, сплошь покрытых диаграммами, и тексты, написанные на гоблинском языке и принадлежащие ко всем периодам длинной и причудливой истории этого народа. Меж страниц кодекса вшиты или подклеены разнообразные предметы, расплюснутые под тяжестью толстой книги, а иногда из нее доносятся странные звуки, не говоря уж о неприятных запахах.

Кодекс также является чем-то вроде ежегодника и памятного альбома, в котором гоблины хранят вырезки из написанного людьми о них. Но главное, именно в кодексе различные гоблинские гильдии и дома всегда записывали хронику своей непрерывающейся вражды и соперничества с миром людей. Все, что когда-либо было сказано или написано людьми о гоблинах, украдено или скопировано ими и помещено в эту книгу, в эту солидную народную хронику; эти добавления, сделанные людьми, могут быть полезны для дальнейшего исследования, и мы, вероятно, вернемся к ним позже. Я даже осмелюсь предположить, что наше с Фраудом текущее исследование когда-нибудь тоже попадет в «Гоблинский кодекс», и это будет для нас невероятной честью.

Доктор Берк изучает кодекс
в свойственной ему научной
манере. ►

ФОТОСНИМОК ГОБЛИНА

Закончив пролистывать гоблинскую книгу (и не потрудившись вытереть грязные пальцы), Фрауд принялся рассказывать о странной фотографии, которую мне прислал. Глаза его при этом дико заматались. Он украдкой поглядывал то вправо, то влево, словно боялся, что за нами следят. Дважды он громко позвал слугу, чтобы тот принес еще вина, хотя перед нами стояли две полные нераспечатанные бутылки, а слуги у Фрауда не было. Он снова начал бормотать себе под нос, но я внимательно прислушался и вскоре начал улавливать нить его запутанной истории.

Все началось, когда в подвале Коттингтонского архива он обнаружил странную фотографию. Я, разумеется, ужаснулся, узнав, что он забрал себе ценный архивный документ, не оформив соответствующее разрешение. С тех пор, как меня избрали куратором почтенной коллекции архивных документов Коттингтона, я стал весьма озабочен такими вопросами и, естественно, сообщил Фрауду, что намерен подать жалобу о «присвоении собственности архива одним неуравновешенным энтузиастом науки». Тот лишь нахмурился и продолжил свой рассказ.

Предисловие

Гоблинская камера, якобы найденная в поместье Коттингтонов. Здесь изображена после неудачных модификаций, внесенных в конструкцию Фраудом. ►

Камера принадлежала семье Коттингтон; вероятно, именно с ее помощью Эвфемия Коттингтон некогда сделала свои знаменитые снимки фей. Брайан признался, что хотел лишь «одолжить» и «слегка модифицировать» камеру, чтобы сделать жанровые фото доярок в темном коровнике. Он описал свои первые опыты в дневнике:

2 января, 16:00

Доярки опять не пришли. Установил камеру, прикрепил светоотражатель, хрустальный диометр и механизм боя из каминных часов. В окно, как всегда, проникал тусклый свет. На камине лежал недоеденный бутерброд с солеными огурчиками. Мышей сегодня не видно. С пластинами возникла заминка, но, в конце концов, удалось сделать один снимок. Проявил его в своем особом растворе и получил темное изображение не то фигуры, не то длинной сосиски в шляпе, но точно сказать сложно – слишком уж размытая и тусклая получилась фотография. Повторю эксперимент завтра, если не найду дел получше.

На следующий день, 15:48

От доярок по-прежнему ни слова, хотя я заново разместил объявление в местных сельскохозяйственных журналах. Полагаю, слухи разлетаются быстро, вот они и избегают нашего дома. Оставил на камине крабовый пирожок и две трети твердого фламандского сыра. Почему Тоби никогда не приходит на ужин? Установил камеру, как обычно, но дополнительно приварил спектральные фосфорные кольца с впечатляющим эффектом: они дают прекрасное атмосферное освещение. Сделал снимок темного участка стены. После проявки: ВОТ ЧУДЕСА! Надо срочно звонить Берку и просить привезти «Кодекс». А еще разместить новое объявление для доярок.

Брайан вручил мне фотографии: всего их было восемь. Вот уж действительно чудеса! Хотя гоблины по традиции славились своей неуловимостью и коварно ускользали от человеческого взгляда, появляясь лишь изредка на периферии зрения, то тут, несомненно, были их портреты. Мало того, одного из этих существ я видел раньше. Заикаясь от потрясения, я задал Фрауду сотню вопросов (а тот к тому времени глубоко погрузился в изучение объявлений в сельскохозяйственном журнале), но спокойно попросил задать все интересующие меня вопросы жителю туалета внизу. Я растерялся, но был заинтригован и последовал за Брайаном в тускло освещенную уборную.

То, что я увидел, меня поразило, прежде всего, своей неучтивостью и тем, что жена Брайана недвусмысленно запретила ему подобные вещи, а он нарушил запрет. Я не сомневался, что ничего хорошего из этого не выйдет, так как не пристало, во-первых, оскорблять гостей, запирая их в уборной, и, во-вторых, не слушаться жену — моя жена не уставала повторять, что последнее чревато бедой. И все же я представился сидевшему в уборной существу со всей формальностью, на которую был способен, учитывая, что передо мной находился предмет моих исследований. Гоблин с немалым изяществом примостился на опущенной крышке унитаза и быстро встал, как только мы вошли. Его желтые глаза казались на удивление умными, но было в них еще какое-то выражение; однако из-за тусклого освещения я не разглядел, какое именно, к тому же, таращиться на незнакомых невежливо, даже если (особенно если) это гоблины.

Гоблин почти не разговаривал и общался с нами при помощи самых невероятных ужимок. Знаками и жестами он объяснил, что его зовут Гаргл и в гоблинском мире он велик и занимает весьма высокое положение. Он назвался летописцем, повелителем чернил и пера. Сначала я не был склонен ему верить, так как его руки не напоминали руки ученого человека, однако вел он себя цивилизованно и вскоре перестал рисовать неприличные карикатуры на нас на стене с помощью жидкости для чистки унитазов. Когда мы вошли, он даже поклонился и снял шляпу.

Тогда-то мы и поняли, что он может стать надежным проводником в мир гоблинов, в место, чьи тонкости сложно понять даже мне, выполнившему впечатляющий, но, увы, неточный перевод «Гоблинского кодекса». Кроме того, мы вскоре узнали, что Гаргл делает самые вкусные горячие бутерброды с сырной корочкой, которые нам когда-либо доводилось пробовать. Ввиду всего этого мы наняли его на работу. Одно лишь продолжало меня смущать: я никак не мог вспомнить, где видел его раньше.

Много раз я возвращался к «Кодексу» в надежде, что найду на его страницах изображение Гаргла и память ко мне вернется, или я смогу узнать о нем что-то новое. Я листал заплесневелые страницы книги с портретами великих гоблинов прошлого. Но Гаргла среди них не было, а в алфавитном указателе, когда я его обнаружил, не нашлось о нем упоминаний. Я вспомнил, что, кажется, видел похожее лицо в главе о роли гоблинов в средневековой истории, но открыв книгу в соответствующем месте, увидел, что страница вырвана*.

И К ТОМУ ЖЕ
КРАСИВ

* Все это меня ничуть не удивило, так как за недолгое время изучения «Кодекса» я успел заметить, что его содержание имело любопытное свойство неожиданно меняться и пропадать. Скажем, три недели назад я сидел в кабинете и читал захватывающую историю об изобретении и истории гаммерстанга — невидимого, но крайне эффективного гоблинского прибора, из-за которого в старых домах стоит запах дохлых мышей. Я отложил «Кодекс» в сторону на несколько минут и, возвратившись к нему, обнаружил, что страницы, которые я читал, уже нет: на их месте появились листы из чехословацкого телефонного справочника начала 1970-х. К счастью, я успел кое-что законспектировать, так как глава о гаммерстанге исчезла бесследно. Чего, к сожалению, нельзя сказать о запахе дохлых мышей в моем кабинете.

Фотопластинки

Фото № GA/0039eIFe

Имя Лаантхорн

Гоблин, которого следует опасаться во всех его обличьях. Огонь — его стихия и специальность. Он часто начинает действовать исподтишка, но его уловки неизменно приводят к беде. Любимый трюк — быстро пролететь по комнате и опрокинуть горящие свечи. Именно из-за него электроприборы начинают дымиться без видимой причины (мы с Брайаном прозвали его Искоркой, и ему это крайне не понравилось). Вызвать этого гоблина можно, подключив к одной розетке пять и более электроприборов через удлинитель; гоблин считает это вежливым дружеским приглашением в человеческое жилище и приходит немедленно.

Время съемки: 22:48
Юпитер в Марсе
Свет: сумеречный
Условия появления: скука после длительного ожидания
Наживка: сорта сыра с резким сильным запахом*

* Рекомендую держать наживку большой деревянной прищепкой.